

УДК 77.04

Елена Львовна Калашниковафилолог, писатель, преподаватель. elka5678@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Россия, Москва, проспект Вернадского, 84, стр. 1. 119571

«НУ И САМ СТАРАЮСЬ БЫТЬ СВЕТЫМ».

Рецензия на книгу «Милосердия жду...».

Фотографии и текст Дмитрия Вышемирского

Предисловие к своей фотокниге «Милосердия жду...» Дмитрий Вышемирский назвал «Самое важное», и мы сразу узнаем семейную историю, знакомую тем, кто вырос в Советском Союзе. Арест деда в конце 1930-х гг. — и о человеке ничего неизвестно, а в середине 1950-х документы о его реабилитации. А что между?... Что было на самом деле? Когда и где?..

Отец Дмитрия Вышемирского — сын врага народа: «Это был приговор, клеймо». В начале 1960-х гг. он перебрался в Калининградскую область с женой и сыном — после Второй мировой многие ехали туда затеряться.

В последнюю встречу он, наконец, рассказал сыну про своего отца — и через несколько дней умер (ему было пятьдесят пять). До этого, когда Дмитрий Вышемирский поднимал эту тему, отец замыкался, смотрел вдаль и молчал. Но началась перестройка, напечатали рассказы Шаламова... «Неужели Оттепель и Свобода? <...> И вот — последние слова: неожиданные, страшные и горькие. Как мало я запомнил! Только самое важное. Мой дед, Станислав Вышемирский, погиб в ГУЛАГе. Он был военным архитектором. Его вызвали на беседу. Он примчался домой, успел сказать жене: “Беги, спасай детей. Хотели, чтобы я написал донос. Я швырнул в следователя чернильницей» (Вышемирский, 2021, с. 5). К дому подъехала машина — и больше родственники его не видели; скорее всего, он погиб на Колыме. В ГУЛАГе исчезли больше десяти мужчин по линии Вышемирских.

Сохранилась пожелтевшая фотография, на ней большая семья перед деревенским добротным одноэтажным домом. «Умиротворенные лица, достоинство и покой. Мой род. На траве, на переднем плане, два волкодава. Без них было нельзя — вокруг волки. От волков защищали, а от людей не смогли...» (Вы-

Илл. 1. Дмитрий Вышемирский. Калининград, 1986. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

шемирский, 2021, с. 4). Позже Дмитрий Вышемирский увидел то, что осталось от дома — отец показал это место в белорусском лесу: «В просвете между деревьями, в рыжей крапиве — груда замшелых бревен.

– Сядем, сын... Покурим.

Сидим на бревнах, курим...

– Это твой дом» (Вышемирский, 2021, с. 4).

Вскоре после смерти отца Дмитрий Вышемирский уволился из газет, где был фотокорреспондентом: «Я решил, что больше не буду лгать; уйду... лишь бы не лгать; никому, и даже себе» (Вышемирский, 2021, с. 2). В это время его спасают старые брошенные корабли. «Мне нравились эти баржи и буксиры, сейнеры и траулеры. Иногда удавалось к какому-нибудь добраться, вскарабкаться на борт, ступить на палубу, оказаться в другом измерении. Корабельный хлам, пустые каюты, солнечные блики, разбитые стекла иллюминаторов и противогозов, остановившиеся двигатели. В движении были вода и солнце, облака и мысли; и пленка в фотоаппарате. <...> Я должен был научиться жить в ржавом и оставаться живым. Выжить. Выплыть к свету. Соединить свет и время. Стать тем, кто пишет светом» (Вышемирский, 2021, с. 4).

Илл. 2. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Вопросы, связанные с родом, семьей, мучавшие три поколения Вышемирских, звали автора в фото-одиссею и через несколько месяцев он прилетел в Магадан. Сначала была трасса «Колыма» — в Якутск, на Чукотку. «Я никому не говорил о своей цели — найти хотя бы места лагерей, где мог быть мой дед; хотя бы кусок колючей проволоки. Только уже в горах Хребта Черского, в почти трех тысячах метров над уровнем Охотского моря, добравшись туда на вертолетах, грузовиках, пешком, я доверился человеку, о котором шепнули, что он что-то знает. Я спросил его, куда идти дальше. Он согласился стать проводником, и мы ушли в места лагерей» (Вышемирский, 2021, с. 5–6).

Вокруг на сотни километров горы, небо и редкие лиственницы. Так автор оказался в Долине смерти — заброшенные шахты, фабрики и большие землянки — в них жили заключенные. Пожилой проводник говорил, куда идти, и автор туда шел один. «Я должен был все увидеть и заснять. Я надеялся увидеть хотя бы что-то. Но то, что я увидел, масштаб беды — не вмещалось в сознание» (Вышемирский, 2021, с. 6).

Вышемирский пришел в долину ручья Шайтан, где раньше был Бутугычаг — «один из самых лютых сталинских лагерей. Температура зимой до минус 60. Здесь добывали оловянную и урановую руду. Продолжительность жизни заклю-

Илл. 3. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 4. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 5. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 6. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

ченных — несколько месяцев. Около трехсот восьмидесяти тысяч погибших. Об этом лагере написаны “Черные камни” Жигулина и “Саночки” Жженова. Черные камни так и стоят там, над лагерем, на самом высоком месте — выветренные зловещие небольшие скалы. А вокруг — Синегорье, синие-синие горы. Красота и ад» (Вышемирский, 2021, с. 6).

Относительно недалеко были женский лагерь «Вакханка» и детский. Проводник сказал, что от них почти ничего не осталось. Напоследок автор увидел то, о чем мало кто знал — плоское плато над Долиной смерти, усыпанное черепами и костями. «Некуда ступить, чтобы не хрустнули под сапогом кости, выбеленные ветром и снегом. Углубления меньше человеческого роста, выдолбленные в мерзлоте оставленными здесь же мотыгами и ломami. Деревянные кольца с доньшками от консервных банок, пробитые гвоздями цифры — номер то ли могилы, то ли заключенного. Все черепа распилены. Лобные части прострелены из чего-то мелкокалиберного...» (Вышемирский, 2021, с. 7–8). Двухлетнее странствие по Магаданской, Архангельской и Мурманской областям было опасным. Автор не разбился на мотоцикле на горной дороге, когда добирался от одного колымского поселка до другого: «Скорость сразу — бешеная. Тьма, сплошные камни, рев мотора, рюкзак, разбивающий вдребезги позвоночник, и — вот сейчас — все, конец...» (Вышемирский, 2021, с. 7).

Илл. 7. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 8. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 9. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Не утонул в шторм в Белом море. Вертолет, на котором он должен был лететь, упал, и все погибли. «Почему-то меня не трогали ни КГБ, ни уголовники, ни медведи...» (Вышемирский, 2021, с. 9). Вскоре некоторые снимки, сделанные Вышемирским на Колыме, появились в «Советском фото» и «Огоньке», а в 1991 г. он устроил выставку «Следы ГУЛАГа» в Калининграде. «Я построил ее в большом зале: закрыл черной тканью все окна, развесил фотографии и предметы, которые привез из лагерей. Я готовил ее много дней: из судьбы родственников... из своих чувств, воспоминаний и переживаний. Выставка была почти готова. Между большими стеклами, как в невесомости, застыли фотографии; и черным маркером — стихи. Посреди зала — длинный стол с предметами из Бутугычага. Но чего-то не хватало. Было пространство, некая прозрачная, наполненная несчастьем сфера. Но не было точки отсчета и центра, не хватало главного смысла... Вспомнил фотографию образа Христа с выцарапанными глазами: ослепленный Сын Божий... не смотри на нас... ничего не видь... Я поставил ее в центра зала» (Вышемирский, 2021, с. 10–11).

Выставка продлилась один вечер: «товарищи» из обкома партии приказали ее немедленно убрать. «Мне ничего не сообщили. Я пришел и увидел пустой зал. Не было ничего, что напоминало бы о выставке» (Вышемирский, 2021, с. 12).

Илл. 10. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 11. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 12. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Основная часть фотоархива Вышемирского, посвященная лагерям, опубликована больше тридцати лет спустя, в этой небольшой, но такой важной фотокниге. Автор говорит в предисловии, что тогда на Колыме не вышел из Долины смерти: ответов на вопросы не было... «Я делаю фотографии. Я сделал, что мог. Я долго шел к этой книге. Может быть, не я ждал ее, а она ждала меня?» (Вышемирский, 2021, с. 16).

Книга «Милосердия жду...» подготовлена по инициативе Фонда им. Генриха Белля. О ее пути к читателю рассказывают в двух послесловиях искусствовед Ирина Чмырёва и координатор программы «Демократия» Фонда им. Генриха Белля Нурия Фатыхова — без их деятельной помощи альбома не было бы.

Встречает читателя гладкая суперобложка — бело-зелено-салатово-голубая. Я предположила, что это деревья, небо и вода — природа, вечное. Дмитрий Вышемирский сказал, что автор дизайна и макета Константин Еременко хотел изобразить Ничто, пустоту. И сбоку на белом как стекающая слеза мелкими черными буквами «Милосердия жду...». Под пестрой суперобложкой обложка лаконично-черная, со светлыми ворсинками — это и чернозем, и черный квадрат Малевича, и черные камни Бутугычага, и цвет траура, и трудные темы — например, «Черная книга» Эренбурга и Гроссмана, и прикрытый черной тканью фото-

Илл. 13. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 14. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 15. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 16. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 17. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

Илл. 18. Дмитрий Вышемирский. Лагерь Бутугычаг, Магаданская область, 1989.
Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

аппарат на треноге... Посередине глазок — на некоторых страницах через него можно посмотреть в нашу общую историю, в цитаты из газеты «Правда» эпохи перестройки.

На каждой фотостранице две даты: наверху 1985 г. — начало гласности в СССР, внизу 2021 — выход книги. Предисловие и послесловия на бумаге цвета пепла. Фотографий много, некоторые на разворот, все — черно-белые.

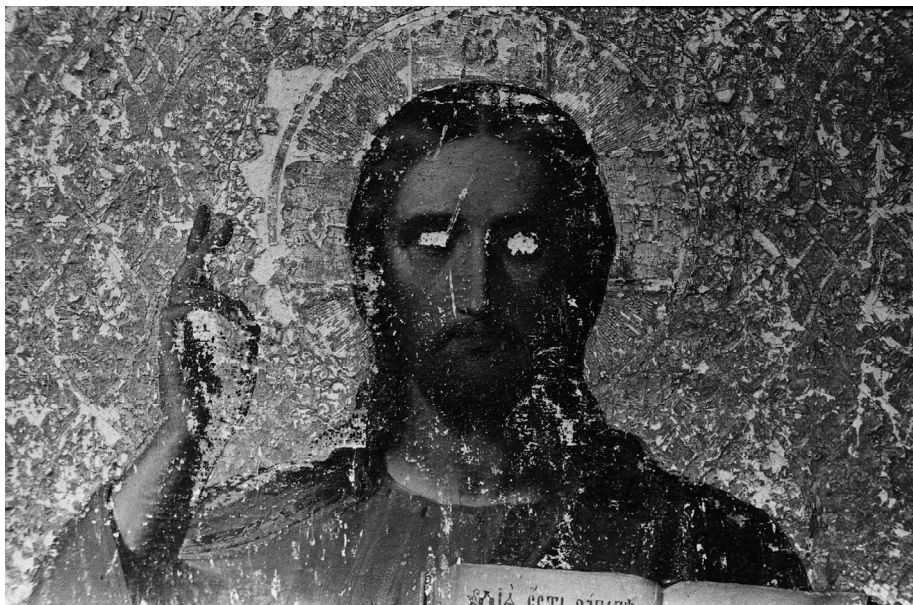
Первый снимок сделан в 1986 г. в Калининграде. Знаю его по предыдущим сериям и книгам Вышемирского, посвященным Калининграду-Кенигсбергу и Калининградской области. Под распахнутым темным плащом клетка с канарейкой, на руке продавца татуировка «Любовь». Мы не видим его лица, в кадре — суть, самое важное. На следующих фотографиях солнечный свет, серп и молот на советском флаге; весы и наискосок тень железной цепи на стене; старый корабль и мальчик рядом, а сверху серые облака; фрагмент корабельного остова на фоне действующих кораблей и справа в фотоглазке два кузнеца (одна из них женщина) с бригадиром лучшего коллектива завода (публикация «Время в делах коммунистов» в «Правде» 12 ноября 1985 г.). Дальше природа, просторы, красота: спокойная широкая река и остров; поле с крупными цветами; солнечные блики в горной реке. А вот уже следы ГУЛАГа: большое колесо, сзади гора дробленого камня; освещенное солнцем двухэтажное здание, а перед нами обрывающиеся полузасыпанные песком рельсы, справа в фотоглазке человек указывает вперед, ниже руки с поднятыми листками («Наш гражданский долг. Исполним его, приняв участие в выборах», «Правда», 26 марта 1989 г.); на большом черном камне выцарапано «Михаил Кузьмич Александров»... На фресках и иконах лишенные возможности видеть Иисус, богоматерь, архангел...

Помимо природы из живого тут — птичка в клетке и мальчик у старого корабля. Свобода и неволя. Вечное и не-вечное. Прошлое и настоящее.

Для меня из главных образов этой книги — груда старых одинаковых ботинок на поле, и на них иней; утки весов на фоне каменной стены; обвязанный множеством слоев колючей проволоки телефонный столб...

Автор прошел свой Путь Скорби — от личного к общему, в большую историю и обратно к себе новому. Он внимательно рассматривает все на своем пути и собирает, чтобы сохранить, и одной из задач книги было отобрать самое важное.

Дмитрий Вышемирский — тонкий думающий фотограф, поэт, философ и его книга «Милосердия жду...» — не только документальное подтверждение следов ГУЛАГа, это размышления о частном и общем, жизни и смерти, историях обычных людей и большой истории, поиск ответов на личные и веч-

Илл. 19. Дмитрий Вышемирский. Архангельская область, Онежский район, 1990. Черно-белая фотография. Фотопленка 35 мм. Сканированный негатив. Архив автора

ные вопросы и поиск себя — через семью, место проживания, и все это через фотографию.

И в завершении хочу привести несколько фрагментов нашего большого разговора в октябре 2010 г. в Калининграде: «Что такое самое главное? Мое переживание и высказывание о том, что есть я. Любовь, вера, взаимоотношения, противостояние разрушительным тенденциям в этой жизни и вне ее. Это самые важные и сложные вопросы, которые должен задавать себе художник и находить на них ответы. Как находить адекватные ресурсы, чтобы отвечать на эти вопросы? У меня простая формула оценки произведения искусства, в том числе, фотографического. Можно ли рядом с картиной Рембрандта “Возвращение блудного сына” или иконой Рублева “Троица” повесить эту работу? Органично ли она впишется в одно пространство с ними, рядом или напротив? Когда я чувствую, что этот образ может находиться в одном музейном пространстве с подобными шедеврами, значит, он заслуживает внимания. Можно ли какую-то фотографию органично воспринимать, когда слушаешь Сорок первую симфонию Моцарта или Десятую симфонию Шостаковича?..» (Калашникова, 2011).

«Когда я решал в начале 1990-х на какое-то время перестать снимать, у меня не было ответов на многие вопросы, и я понимал, что нужно искать ответы

в иных, не фотографических сферах. Отстраниться, посмотреть с расстояния на то, чем занимаюсь, на себя. И позже я вернулся в фотографию, когда более-менее понял, кто я, чего хочу, что буду говорить, кому, зачем, как. Понял, что фотография — это теперь то, что я заслужил, то, в чем разбираюсь. Это мое оружие в борьбе добра и зла, сиюминутного и вечного, пошлости и профессионализма. Смирненное делание не только фотографий, но и самого себя, служение тем, кто дал мне это осознание и талант, за который нужно благодарить. Я понимал, что профессия фоторепортера может дать материал и впечатления, а потом, возможно, вернуться стихи — так и произошло. Перерыв был примерно десять лет. В стихах я иногда размышляю о том, что такое фотография, миссия художника, гений места... Не стану писать о том, в чем плохо разбираюсь, просто не найдутся нужные слова. Я долго искал модель существования. Я не скрываю, что я — христианский художник, это то, что объясняет мне смысл искусства, но я пытался найти светские слова для объяснения нынешней ситуации — своей, в частности. И однажды наткнулся на понятие “революционный консерватизм”. После Первой мировой войны Европа была в состоянии полной растерянности, тогда и зародилось понимание, что выжить можно только, если сохраняются базовые ценности.

Мне достаточно замкнутого мира Калининградской области, чтобы сказать то, что хочу и что понимаю. И не так важно, услышит ли меня мировое культурное сообщество, я невысокого, за редким исключением, мнения о нем. В слове “искусство” столько смыслов: искус, искушение, укус, искусность, сомнения, переживания, уединение, укус... Да, мне хочется, чтобы то, что я сделал, прозвучало, мне нравится формат большой и тяжелой книги. Потому, что можно ее высоко поднять и шандарахнуть “общество” по голове. Или просто громко стукнуть ею об стол, чтобы пыль поднялась. Я хочу жить по своим законам в своем пространстве и сделать так, чтобы оно стало интересным многим вокруг. Может, мне это при жизни не удастся, но я служу не этому миру, а другому. И искусству фотографии — светописи, свету. Ну и сам стараюсь быть светлым» (Калашникова, 2011).

ЛИТЕРАТУРА

Вышемирский, Д. (2021) *«Милосердия жду...» (Фотографии и текст)*. М.: Фонд им. Генриха Бёлля.

Калашникова, Е. (2011). Дмитрий Вышемирский: «Я вижу Калининградскую область системно, знаю свое место в ней» [Электронный ресурс]. URL: <https://prophotos-ru.livejournal.com/1127071.html> (дата обращения: 10.12.2021)

Elena Lvovna Kalashnikova

philologist, writer, lecturer. elka5678@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84
bldg. 1 Vernadskogo Avenue, 119571. Moscow, Russian Federation

I'M TRYING TO BE LIGHT.

Review of the Dmitry Vyshemirsky's Book 'Waiting for Mercy...'

REFERENCES

Vyshemirsky, D. (2021) *Waiting for Mercy... (Photos and Text)*. Moscow: The Heinrich Böll Foundation Publ. (in Russian)

Kalashnikova E. (2011) Dmitry Vyshemirsky: 'I See the Kaliningrad Region Systemically and I Know My Own Place Here' [Online]. Available at: <https://prophotos-ru.livejournal.com/1127071.html> (Accessed: 10 December 2021). (in Russian)